

АНДРЕЙ АПОЛЛОНОВ

МАЛЕНЬКИЕ БОЛЬШИЕ
ПАРАДОКСЫ

SCI-FI - HORROR - MYSTIC - FANTASY

Андрей Аполлонов

**Маленькие большие парадоксы.
Sci-Fi. Horror. Mystic. Fantasy**

«Издательские решения»

Аполлонов А.

Маленькие большие парадоксы. Sci-Fi. Horror. Mystic. Fantasy /
А. Аполлонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907957-2

Вселенная полна парадоксов. Одни из них удивительно прекрасны, другие — пугают неизвестностью. Одни могут открыть пути в новые миры, другие — разрушить все, что нам знакомо и привычно. Сила веры может стать оружием против чуждой реальности, экспериментатор — оказаться подопытным, а память и реальность — ложными. Авторский сборник повестей и рассказов Андрея Аполлонова «Маленькие большие парадоксы» открывает перед нами новые грани фантастики, новые горизонты возможного и невозможного.

ISBN 978-5-44-907957-2

© Аполлонов А.
© Издательские решения

Содержание

Искаженное равновесие	6
Глава 1. Искаженная война	6
Глава 2. Ноль-шестьдесят-четвертый	14
Глава 3. Противостояние	21
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Маленькие большие парадоксы Sci-Fi. Horror. Mystic. Fantasy

Андрей Аполлонов

Дизайнер обложки Андрей Аполлонов

© Андрей Аполлонов, 2018

© Андрей Аполлонов, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-7957-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Искаженное равновесие

Глава 1. Искаженная война

– Это будет твоя последняя и самая важная миссия, – так ему сказали, прежде чем отправить сюда, в самое сердце логова искаженных, свято верящих в то, что за Разрывом Реальности скрывается сам Бог. – Выполнишь ее, и на этом завершится твоя служба государству, планете и всему человечеству. Сможешь вернуться в собственное исходное тело, отправиться к семье, к родным, что ждут тебя дома, и спокойно прожить с ними долгую и счастливую жизнь, ни в чем не нуждаясь. Нужно только остановить искаженных – не позволить им расширить Разрыв, уничтожить их опасные машины, повреждающие ткань реальности. Иначе весь наш мир однажды перестанет существовать. Уступит место другой, чуждой Реальности, подчиняющейся таким же чуждым, до сих пор далеко не полностью постижимым для нас законам.

Уже несколько часов Алекс под прикрытием военных дронов, отвлекающих основные силы искаженных, продвигался вглубь запретной для гражданских территории. Роботы долго не продержатся под воздействием Ока Разрыва, наблюдающего за ними с неба и меняющего своим всепроникающим взором саму реальность. Тонкие защитные оболочки из вывернутых Разрывом материалов не смогут долго их защищать. Другое дело – искусственно созданная биомеханическая человекообразная конструкция, в которую на время службы поместили его сознание. Точнее, скопировали в ее искусственную нервную систему субквантовую сигнатуру исходной памяти Алекса. Сотни мельчайших деталей на основе вывернутых, искаженных материалов, собранные лучшими биохимиками, генетиками и кибернетиками в псевдотело, внешне схожее с его родным, человеческим, но имеющее высокую устойчивость к взгляду чуждой Реальности и множество других, не доступных обычному человеку возможностей. Такая биосинтетическая оболочка продержится под Оком вдвое дольше любой чистой органики. Но это не сильно поможет, когда никем больше не занятые искаженные бросят на Алекса все свои боевые отряды. Поэтому он, единственный выбранный для противостояния врагу всего человечества по результатам множества испытаний и тестов, спешил. Инстинктивно просчитывал каждое свое действие, каждый выстрел – заранее, на автомате. Не тратил энергию сразу обоих дезинтеграторов. Отстреливал почти весь заряд одного. Затем, пока встроенный в псевдотело микрогенератор восполнял энергию в аккумуляторе первого, пользовался вторым. За счет постоянного перемещения Алекса перезарядка происходила быстрее, чем разряда при стрельбе по фанатичным искаженным.

Весь мир вокруг после привычных городских пейзажей казался неестественным. Око Разрыва исказило, искорежило здесь практически все, что могло. Одни остовы зданий оплавившись. Другие – почти по всей высоте пронзили огромные трещины, не позволяя при этом развалиться на части и превращая металло-бетонные руины в исполинских размеров цветы, расправившие в стороны уродливые угловатые лепестки. Земля повсюду вспучилась, вытягиваясь вверх, к Оку громадными кривыми, извивающимися щупальцами и когтями. Всю эту невероятную картину дополняло мрачное бледно-зеленое свечение Ока в ночи, устилающее открытые участки поверхности. Все небо вокруг Разрыва занимали бескрайние тучи, окрашиваемые излучением в тот же цвет. И некоторые из них подобно дымообразным щупальцам мифического кракена извивались и тянулись вниз – к земле. Звуки здесь тоже искажались, порой резко прерываясь, а затем не менее резко вновь возникая и отдаваясь в окружающем ландшафте эхом тех, что звучали до них. Хорошо хоть запахи блокировал шлем, иначе от них наизнанку вывернуло бы даже его псевдотело.

И никого живого вокруг. Кроме Алекса и искаженных, обходить которых стороной становилось все сложнее. Чем ближе к центру – тем большие их скопления попадались на пути. И если на периферии искореженной области встречаемые противники еще не сильно отличались от людей, которыми были раньше, стыдились начинающих внешних изменений, пряча свои лица под всем, что могло бы послужить маской, и плотно закутываясь в одежду, то с продвижением к центру картина кардинально менялась: все меньше человеческого в облике, все больше искажений и все меньше неприятия искаженными своей новой внешности. Видеть то, во что превратились их лица Алексу совсем не хотелось: после подобных зрелищ ночные кошмары будут преследовать годами. Поэтому он старался смотреть чуть в сторону даже когда стрелял по врагам. Натренированная за долгие годы реакция и широкие пучки излучения дезинтеграторов неплохо способствовали тому, чтобы Алекс при этом не промахивался.

Очередной поворот в лабиринте искореженной Разрывом земли, и вот он – зев бывшей городской подземки, по которой когда-то ходили медленные поезда, доставлявшие людей из одних частей города в другие. Очередная малая группа искаженных может и ожидала появления Алекса, но не была готова к ускоренной реакции его псевдотела. Никто из них не успел даже вскрикнуть и, тем более, воспользоваться своими длинными и мерзкими, заманившими руки щупальцами, прежде чем луч дезинтегратора-резака рассек все пять тел пополам практически беззвучно на фоне шума, создаваемого вдалеке беспилотниками. Двое стояли у самого края лестницы, поэтому верхние их половинки сразу покатались вниз, окропляя оплывшие ступени бледно-зеленой под взглядом Ока кровью. Алекс, не теряя времени, поспешил за ними – во тьму искореженных подземелий. Но уже через пару-тройку секунд ему пришлось уворачиваться от четверки взметнувшихся навстречу из темноты кольчатых щупалец, каждое из которых заканчивалось длинным полым когтем с остро заточенной режущей кромкой.

Отскок назад и пережат влево. Щупальца буквально просвистели мимо, чуть не задев левое плечо, и плюхнулись на искореженный, когда-то оплавившийся, подобно сильно нагретому пластилину, и вновь застывший асфальт. Цокнули по бывшей дороге когтями и начали утягиваться обратно – в темноту, процарапывая в оплывших ступенях борозды почти сантиметровой глубины. Вернее, даже не процарапывая, а плавя их поверхность кислотой из отверстий на кончиках и затем оставляя углубления в искореженной смеси бетона и металла, как раскаленный нож – в масле.

Встав в полный рост, Алекс направил дезинтегратор излучателем поперек щупалец и нажал кнопку выстрела. Оружие резко пропищало – разряжен аккумулятор. А навстречу, из глубины туннеля уже взметнулись несколько новых щупалец, вооруженных когтями.

Пережат вправо и бросок вниз активированной гранаты-шинковалки. Быстрый бег подалее от лестницы и замена дезинтегратора в заряднике псевдотела на опустошенный. Отсчет в уме секунд до детонации. Чуть заглушенный звук взрыва, почти сразу превращенный Разрывом Реальности в скрежет. И последовавший за ним, наполненный болью и отчаянием визг искаженных, спустя мгновения перемодулированный взглядом Ока в прерывистый грохот. Путь вниз был свободен.

Осторожный спуск по оплывшим ступеням, разделенным на несколько продольных дорожек горками подвергшихся тому же эффекту металлических перилл, и небольшое препятствие в самом низу, явившееся следствием детонации гранаты-шинковалки: образовавшаяся из нее и перекрывающая проход объемная решетка из тончайших, но очень прочных черных пластин, матово блестящих под лучом закрепленного на виске шлема Алекса светодиодного фонарика. Осторожное прикосновение псевдотела и слабый электрический разряд вызвали ее мгновенное разрушение, превращение в инертный порошок. Одновременно на оплывший пол шмякнулись и небольшие обожженные части тел искаженных, ранее заполнявшие ячейки решетки.

До входа в логово он добрался. Оставалось только найти его сердце и наконец уничтожить то, что вызвало появление Разрыва Реальности.

Помещения, когда-то служившие станцией метро, взгляд Ока Разрыва превратил в целый комплекс широких и узких извивающихся туннелей неправильной формы с темными оплавившимися стенками. Заученные Алексом старые карты подземных коммуникаций в нынешней ситуации оказывались практически бесполезны. Звуковые и температурные датчики в области Разрыва тоже мало чем могли помочь из-за постоянного изменения измеряемых величин без каких-либо привычных логичных предпосылок. Искаженные повсюду оставляли выделяемую их телами слизь. Поэтому единственное, на что приходилось полагаться, – это примитивные зрение и осязание. Но для первого из них периодически создавало проблемы спонтанное искажение луча фонарика. В нарушение привычных физических законов тот иногда начинал менять свою фокусировку, а создаваемый им, изначально узкий конус света – изгибаться, преломляться или закручиваться в спирали с переменным диаметром. В результате тени вокруг периодически начинали скакать, как бешеные, а Алексу приходилось следить за тем, чтобы среди них не оказался кто-нибудь из затаившихся в темноте искаженных. Оптические фильтры встроенного в шлем прибора ночного видения в условиях Разрыва Реальности также были полностью бесполезны. Поэтому и зрение в любой момент могло преподнести свои сюрпризы.

Осязание в новых условиях оказалось заметно надежнее зрения, хотя последнее и было необходимым дополнением для него. А все потому, что, чем ближе он к источнику, спровоцировавшему появление Разрыва, тем сильнее всепроникающий взгляд Ока будет влиять и на его псевдотело, изменять его, медленно превращая в искаженного. Главное – успеть уничтожить причину всей этой нарушающей привычные физические законы вакханалии, медленно пожирающей планету, до того момента, как превращение необратимо завершится и заденет не только его физическую оболочку, но и разум. Слишком многие добровольцы, посланные с тем же заданием, обращались в искаженных слишком рано, не успевая добраться до места прежде, чем их навсегда менял Разрыв. Псевдотело давало Алексу только одно важное преимущество перед ними: чуть больше времени до полного превращения.

Безуспешный поиск нужного направления, казалось, длился целую вечность, хотя встроенные в запястье левой руки электронные часы с маленьким, подсвечивающимся в темноте экраном показывали, что после спуска под землю прошло всего-то минут пятнадцать. Алекс, перемещаясь то в полный рост, то ползком, уже успел порядком измазаться в покрывающей стенки туннелей слизи искаженных, но на последних, вопреки своим ожиданиям, почему-то ни разу не натолкнулся. Осязание псевдотела, на которое он вначале полагался, тоже оказалось не таким уж и надежным. Несколько раз из глубин сети туннелей доносился странный шум, на который Алекс старался ориентироваться, надеясь, что тот не являлся всего лишь иллюзией, создаваемой Разрывом Реальности. А слой слизи на стенах ни увеличивался, ни уменьшался, из-за чего становилось невозможным определить: приближался ли он к источнику Разрыва или наоборот – удалялся.

Изменения, затронувшие форму шлема, Алекс заметил тогда, когда уже отчаялся найти нужный путь, посчитав, что заблудился и возможно провалил свою миссию. Коснувшийся было глубин искусственной нервной системы холодок страха вновь сменился надеждой. Похоже, нужное направление найдено. Теперь оставалось только продолжать двигаться, следя за происходящими с экипировкой и псевдотелом изменениями. И надеяться на то, что скрытый в глубине тела контейнер с веществом для формирования дезинтегрирующей бомбы не подвергнется искажающему воздействию до того момента, как будет достигнут эпицентр Разрыва, располагающийся под самым Оком. Из-за этого же контейнера следовало поспешить. В заранее назначенный момент на полигоне Базы СЗРР другой, схожий контейнер со связанным веществом подвергнут обработке, в результате которой в нем сформируется исходная бомба. А эффект связанности, когда-то называвшийся эффектом квантовой запутанности, но пере-

именованный после более тщательного изучения, довершит работу, создав аналогичную бомбу в контейнере, переносимом Алексом. И если вещество на тот момент все еще будет находиться внутри него, то принудительные метаморфозы приведут к разрушению псевдотела. Отличная мотивация для солдата, который должен выполнить свою работу точно в срок и при этом выжить. И почему-то ассоциирующаяся у Алекса с принципами, по которым обычный человеческий желудок, вовремя не заполненный едой, становился бомбой замедленного действия для всего организма – начинал растворять избыточной кислотой, переваривать свои собственные стенки. Пока не получал достаточно новой пищи. Только в случае с контейнером, заполненным связанным веществом, второго шанса уже не будет. Сформировавшаяся дезинтегрирующая бомба не может быть возвращена в исходное состояние после разрушения его стенок.

В какой-то момент шлем настолько исказился, что через ранее прозрачный керамический смотровой щиток стало невозможным разглядеть даже грубые детали в обстановке. Он помутнел, посерел. Поверхность стала похожей на оплавившийся и вновь застывший пластик. Почти как ступени железо-бетонной лестницы на спуске в туннели. Встроенный в лицевой щиток голографический экран перестал работать еще раньше, но лишаться защиты от здешних запахов Алекс тогда еще не решился. Теперь же это стало неизбежным.

Шлем, практически не защищенный от искажающего воздействия Разрыва, продержался даже чуть дольше, чем Алекс рассчитывал. Попытка снять его принесла новый сюрприз. Несколько минут Алекс не мог понять, почему не может дотянуться всеми необходимыми пальцами до нужных кнопок-защелок на псевдотеле. Пока не решил ощупать одной ладонью другую.

Правая рука оказалась в порядке. А вот на левой больше не было пальцев. Ниже локтя на ощупь она теперь ощущалась коротким, сегментированным, как дождевой червь, щупальцем, покрытым тонким слоем липкой слизи и заканчивающимся крупным твердым, чуть изогнутым когтем. Защитная перчатка стала неотделимой частью его искаженной конечности. Превращение уже началось, а Алекс этого даже не ощутил. Каких еще изменений в себе он до сих пор не заметил? От подобных мыслей холодок пробежал даже по полусинтетической нервной системе.

Снять шлем требовалось в любом случае. Поэтому пришлось быстро приноравливаться к обращению с искаженной конечностью. Одна из кнопок-защелок с левой стороны отказывалась повиноваться. Тогда Алекс решил ее оторвать, сильно потянув шлем вверх и чуть влево при зажатых щупальцем и пальцами креплениях. Спустя полторы минуты уже показавшихся напрасными усилий ему наконец удалось сломать кнопку-защелку. Мысленно поблагодарив конструкторов псевдотела за то что не сделали его крепления полуорганическими, связанными с синтетической нервной системой частями, Алекс отбросил в сторону напоминающий теперь огромную полулю, высушенную сливу шлем, даже не пытаясь отделить от него фонарик. Тот все равно уже не работал.

Первый же вдох без фильтров шлема наполнил его обоняние и вкусовые рецепторы целым калейдоскопом ощущений. Приторная сладость смешалась с невероятной соленостью, горечью и кислятиной, которой позавидовал бы даже самый кислый из лимонов. Запахов было намного больше. И часть из них чуть не отправила его в бессознательное состояние, чему успел помешать встроенный на подобные случаи в псевдотело анализатор состояния с многоцелевым инъектором и электроразрядником. Полусинтетические пищевод и желудок, сокращаясь в спазмах, почти сразу вытолкали наружу большую часть полупереваренного питательного топлива-пюре, поглощенного в тот же день перед отправкой на миссию. Вместе с едой вышла наружу и часть желудочной смеси кислот, капли которой, попав на подбородок, вызвали слабое жжение в полусинтетических осязательных рецепторах. Требовалось срочно произвести принудительное ослабление чувствительности всей той части нервной системы, что отвечала

за восприятие вкусов и запахов. Иначе до цели ему вовремя не добраться. Знал бы он, как все будет – сделал бы это заранее.

Занятый попытками усмирить продолжающиеся содрогаться пищевод и желудок, Алекс не сразу обнаружил изменения в своем зрении. Глаза, по большей части оставшиеся до сих пор органическими, в полной темноте теперь воспринимали окружающую обстановку так, как будто над головой постоянно горела яркая светодиодная лампа. Удавалось разглядеть отдельные оттенки цветов и даже мельчайшие неровности на поверхности оплывших до трубообразного состояния туннелей, каждую мельчайшую деталь и неровность на поверхности отброшенного в сторону шлема и на собственном полусинтетическом теле. И на щупальце, заменившем предплечье левой руки.

Слизи, выделяемой искаженными, а теперь и левой рукой Алекса, как ранее и подсказывало осязание, на стенах оказалось так много, что она уже не могла помочь с выбором правильного направления. Теперь он видел это собственными глазами. Зато появился новый детектор. Логическое мышление в пока еще не задетом искажением сознания подсказывало, что приближение к Источнику будет вызывать метаморфозы в остальных частях тела. Главное – не заплутать слишком сильно и не начать двигаться в обратном направлении. Судя по внешности искаженных на поверхности вызванные взглядом Ока Разрыва изменения в теле необратимы, и заблудившись, он не сразу это поймет. А времени до принудительного создания дезинтегрирующей бомбы внутри контейнера оставалось все меньше и меньше.

Поплутав еще немного по узким туннелям, Алекс наконец выбрался в более просторные естественные пещеры, расположенные глубоко под старым искаженным метро. Но самое главное: вели они его точно туда, куда требовалось.

Правая рука постепенно изменялась вслед за левой, обратившейся в щупальце уже до самого плеча, что сильно затруднило бы перемещение ползком. Но в этих пещерах можно было передвигаться и в полный рост.

В какой-то момент в голове сильно загудело и завибрировало, настойчиво подталкивая его вперед. Спустя мгновение с той стороны донесся громкий скрежет. В сознании Алекса мелькнула мысль о том, что искаженные обнаружили его и собираются остановить. Прятаться здесь было негде. Он упал на покрытый тонким слоем слизи теплый каменный пол и вжался в него так сильно, как будто пытался просочиться под его поверхность. Но продолжающий усиливаться впереди шум и неожиданно нагнавшая Алекса со спины волна искаженных, пробегающих мимо, не обращая внимания на чужака, развеяли его страхи, напомнив о том, как Око Разрыва искажает звуки в пространстве, подвергшемся его взгляду. Развеяли старые страхи и принесли с собой новые.

Почему они не замечали его? Приняли за одного из своих? Неужели он уже настолько искажен воздействием Разрыва? Пока мысли с вопросами без ответов либо с очевидными ответами, признавать которые совсем не хотелось, бешено скакали в голове Алекса, застывшего, прижавшись к покрытому тонким слоем слизи полу, поток бегущих мимо искаженных все не заканчивался. Некоторые из них даже умудрялись цепляться за стены и своды пещеры. А странное гудение и вибрация в голове все усиливались, постепенно распространяясь по бывшему псевдотелу и вызывая у Алекса продолжающее расти желание присоединиться к стае и бежать вместе с ними к источнику жизненных сил и наслаждения.

Око Разрыва все настойчивее звало к себе своих детей – искаженных. И Алекс уже не мог ему сопротивляться. Он сам не заметил, как оказался среди существ, спешащих в самую глубь искаженной области. Как бежит уже не на двух, а на всех четырех конечностях, отталкиваясь от склизкого пола широкими ступнями немного удлинившихся задних лап, бывших еще совсем недавно ногами его псевдотела. Как цепляется за те же поверхности присосками и крупными, выделяющими едкую кислоту, полыми когтями на способных то отвердевать, то вновь становиться мягкими, щупальцах, еще только сегодня утром бывших человеческими руками.

Тело его стало гибким, а поле зрения сильно расширилось, позволяя одновременно наблюдать за всеми, кто находился справа, слева и над головой. Для того, чтобы оглянуться назад больше не приходилось поворачивать голову – достаточно было лишь немного переместить заменившие имитацию волосяного покрова тонкие щупальца с новыми, чувствительными к широкому спектру электромагнитных излучений, органами зрения на кончиках.

Зов Ока Разрыва продолжал усиливаться. Мысли о том, что нужно вовремя извлечь из себя контейнер с веществом для формирования бомбы, лишь изредка вырывались на поверхность, но казались уже не столь важными и вновь тонули в глубинах памяти. К тому же, тот давно мог исказиться вслед за псевдотелом, став чем-то иным, и теперь вряд ли сможет выполнить свое предназначение.

Стая вместе с Зовом уводила Алекса все глубже в подземные пещеры по искаженным туннелям, то немного сужающимся, то вновь невероятно сильно расширяющимся. Он уже перестал различать верх и низ. Поток искаженных бежал по всей их внутренней поверхности, одинаково цепляясь как за пол, так и за своды пещер. Зов Ока разрыва продолжал усиливаться. Постоянно менял частоту колебаний, продуцируя то ритмичный поток звуков на сверхвысоких частотах, то – на сверхнизких. В голове Алекса он рождал прекраснейшую во вселенной музыку, бодрящую и помогающую постоянно ускорять бег. А в какой-то момент он даже заметил, что и сам вместе с окружающими искаженными перемещается в беге, следуя ритмам, модулируемым Оком. И не смотря на огромную скорость его новые глаза позволяли различать мельчайшие движения каждого из них: красоту, гибкость и грациозность измененных влиянием Разрыва тел, которым могли бы позавидовать многие представители кошачьих.

Когда казавшиеся бесконечными пещерные ходы привели к самому центру искаженной области, Алекс был впечатлен еще больше. Огромнейшая пещера со множеством подобных подземных туннелей, вливающихся в нее по всей поверхности боковых сводов. И невероятнейшей красоты вертикальное Око – вибрирующее, зовущее к себе прекраснейшей музыкой и переливающееся намного большим количеством цветов и их оттенков, чем способен был различить глаз человека или его искусственный аналог. С верхних сводов вниз свешивались и тянулись к Оку множество закручивающихся в спирали, но не задевающих друг друга щупалец, образованных расплавившейся и частично застывшей каменной породой. Их раскаленные жидкие кончики почти дотягивались до самого центра Разрыва и постоянно колыхались на незримых волнах рядом с ним прямо в воздухе, заодно добавляя в освещение пещеры желто-красные блики, скачущие по полу, стенам и кажущемуся уже бесконечным морю искаженных, волнами заполняющему Святилище.

Искаженных здесь было слишком много. Больше, чем указывалось в данных мониторинга Службы Защиты от Разрыва Реальности, которой подчинился Алекс. Больше, чем он себе мог представить, когда отправлялся на миссию. Да и подземная пещера под самим Оком оказалась настолько огромной, что в голове возникал вопрос: почему искаженный город с поверхности до сих пор не провалился сюда? Почему одну часть материи Разрыв искажал, другую – притягивал к себе, а остальную – удерживал на расстоянии? Ответов Алекс не мог найти и на другие вопросы. Почему Разрыв Реальности проявлялся двойственно, создавая малую бледную копию себя над поверхностью планеты? Где те машины искаженных, что позволяют им расширять влияние Разрыва Реальности? Как взгляд Ока смог посредством искажения превратить его искусственное псевдотело в живое? Сохранилась ли связь его сознания с исходным физическим телом? Смогут ли в СЗРР переписать в него память о последней миссии, или он после пробуждения в капсуле сна ни о чем не вспомнит? Впрочем, на последние вопросы ответы он сможет получить только если выполнит свою миссию, либо – если погибнет в безуспешных попытках ее завершить.

Наблюдая за тем, как море искаженных образует множество холмов вокруг Ока, Алекс продолжал двигаться к своей изначальной цели. Остаток собственного сознания, все еще чело-

веческого в самых глубинах, из последних сил боролся с чуждым, навязываемым желанием тоже влиться в один из холмов и через своих новых собратьев дотянуться до священного Разрыва, подарившего всем им новые тела, новые ощущения, новую жизнь. С желанием подпитать Око собственным сознанием, чтобы оно смогло распространить влияние потусторонней реальности на всю планету, на всех ее обитателей. Чтобы все на Земле почувствовали то же, что и он. Чтобы перестали бояться искажений. Чтобы наконец перестали ненавидеть друг друга и воевать между собой.

Не было никаких машин, о которых ему говорили в СЗРР. Вместо них росту Разрыва Реальности способствовали сами искаженные.

Пока Алекс приближался к Оку, свет которого становился все ярче, из живых холмов вырастали исполинские щупальца, состоящие из сцепившихся друг с другом и переплетающихся конечностями тел искаженных. Своими кончиками они, подобно другим – каменно-земляным щупальцам, свешивающимся с верхних сводов, – тянулись к самому Разрыву. Око в ответ становилось все ярче, все интенсивнее меняло свою окраску, ускоряло ритмы своего зова и вызываемых в искаженном теле Алекса приятнейших ощущений, наполняя его невероятной энергией и продолжая тянуть к одному из живых исполинских щупалец, чтобы сделать его частью. Цепляться когтями за каменный пол и сохранять траекторию движения максимально прямой и ведущей под Око становилось все сложнее. Его человеческое «я» продолжало гаснуть, все больше превращаясь во что-то новое. Он больше не мог бороться с зовом, постепенно сворачивая к ближайшей горе с растущим вверх щупальцем. К единственному пути, по которому возможно было максимально быстро подобраться к самому Оку. Поняв это, он перестал сопротивляться. Полностью отдался своей новой природе. Контейнер с веществом для формирования бомбы вряд ли мог сохраниться не искаженным. И если уж он не сможет поспособствовать закрытию Разрыва – то хотя бы не будет мучиться.

Пока Алекс продолжал карабкаться по переплетенным телам искаженных поближе к Священному Оку, последнее начало отращивать собственные щупальца-протуберанцы, протягивая их прямо к тем, кого оно изменило. Разрыв Реальности расширялся прямо на глазах. Алекс карабкался по живому щупальцу все быстрее. Он должен был стать его кончиком, должен был пропустить через себя в одну сторону энергию, предоставляемую искаженными, а в другую – новые изменения, даруемые Священным Оком окружающему миру.

Вот уже щупальца новых собратьев плотно опутали его задние лапы, и он, не боясь упасть вниз, может протянуть собственные к ближайшему протуберанцу, растущему из Разрыва. Странные ощущения. Давление чего-то, растущего внутри тела и стремящегося его разорвать. Гибкое тело начало быстро распухать. Неужели у него все получится? Неужели Разрыв Реальности не смог исказить то, что поможет его уничтожить? Последняя возможность предотвратить еще большее расширение искаженных территорий придала новых сил для сопротивления чуждому влиянию. Пока одно щупальце Алекса тянулось к Священному Оку, второе, выделяя едкую кислоту из полости в когте, вонзилось в живот, разрывая прочную кожу и плоть, копаясь внутри и стремясь хоть как-нибудь зацепить контейнер, продолжающий изменять свою форму вместе с содержимым. Боли он совсем не чувствовал. Священное Око поглощало ее, способствуя борьбе против себя же. Обвив контейнер гибкой, вытянувшейся конечностью, Алекс извлек его наружу, из последних сил размахнулся и бросил прямо в центр Разрыва.

Щупальца, державшие его задние лапы, разомкнулись, избавляясь от поврежденного проводника для подпитки Священного Ока, и умирающий полетел вниз. Падение казалось Алексу медленным. В глазах темнело. Он смотрел на такой же медленный полет контейнера вглубь продолжающегося переливаться всеми возможными цветами и их оттенками Разрыва Реальности, которому оставалось существовать совсем недолго. В последние секунды жизни он снова радовался как человек. Как человек, которому удалось то, что раньше не удавалось другим. Он успешно завершил свою миссию – защитил все человечество от ужасной угрозы.

Когда Алекса внизу подхватили заполнившие всю пещеру искаженные, над ними грянул взрыв. Грохот, заглушающий пронзительные крики и визг, и переливающееся всеми возможными цветами пламя, хлынувшее во все стороны от центра Разрыва. Его всполохи, поглощающие протянувшиеся к Оку исполинские живые щупальца и превращающие их в пепел, осыпающийся на дно Святилища и радующий Алекса, вызывая из глубин его памяти радость первому снегу, что он испытывал когда-то в детстве. Покрывающиеся светящимися трещинами и затем осыпающиеся своды пещеры. И резко сжимающееся Око.

Неужели и правда удалось закрыть его окончательно? Это была последняя мысль Алекса, прежде чем он увидел, как только что буквально схлопнувшийся в точку Разрыв Реальности вновь вырос, приняв исходные размеры и засияв с прежней силой, просвечивая сквозь рвущиеся сверху вниз пламя и невидимое для обычного человека смертельное жесткое излучение от разорвавшейся бомбы. Последняя мысль, прежде чем сознание покинуло его искаженное тело.

Глава 2. Ноль-шестьдесят-четвертый

Темнота и тишина. Странное мягкое давление на лицо и тело. И невозможность двигаться. Неужели его успели вернуть в собственное исходное живое тело, прежде чем погибло искаженное искусственное? Или он все еще лежит в той пещере под горами тел искаженных, на которые рассыпались исполинские щупальца? И под их тяжестью не может сдвинуться с места. Или...

– Ну как он там? Очнулся? – первый, женский голос еле пробивался откуда-то издалека. Странные щелчки и жужжание поблизости. Давление на большую часть тела исчезло.

– Сейчас проверим. Капсулу вскрыл. – ответил второй, мужской голос где-то поблизости. – вроде не двигается. Сейчас сниму шлем.

Еще несколько громких щелчков совсем рядом с ушами, и в глаза ударил яркий свет. Руки, освобожденные от креплений, сами потянулись к лицу, чтобы прикрыть его. А глазные веки рефлекторно зажмурились.

– Ноль-шестьдесят-четвертый очнулся, – на этот раз мужской голос стоящего над ним прозвучал со своей естественной громкостью.

Все вокруг затрясло. Откуда-то издалека донесся металлический скрежет и скрип. Неподалеку упало и разбилось что-то стеклянное. Алекс почувствовал, как его потянуло сначала в правую сторону, затем – налево, но что-то, крепко удерживающее за ноги, спину, бока, шею и затылок сразу во множестве точек, не позволяло сдвинуться с места или повернуться на бок.

– Вот, блин! Опять недопил. – раздался где-то поблизости новый, расстроенный мужской голос. – Чертовы землетрясения! Чертов Разрыв!

– Теперь убирай за собой! – приказным тоном сказал кто-то еще. – Не хватало, чтобы тот, кто нам нужен, пострадал, наступив босиком на осколки, из-за твоей привычки пить из стеклянной тары и ставить ее куда попало.

Очередное землетрясение. Алекс почувствовал чью-то ладонь, упершуюся в его правое плечо. На этот раз, открыв глаза, он смог разглядеть в полутьме хотя бы часть окружающей обстановки и того, кто стоял рядом с его капсулой. И матовую черную крышку последней, закрепленную в приподнятом состоянии почти под прямым углом к ложе. Сероватое лицо незнакомца без каких-либо выделяющихся черт и короткий, только недавно пробившийся из-под кожи ежик темных волос на макушке и подбородке. Почти как у псевдотела первого поколения, которое Алекс видел когда-то в лабораторном музее СЗРР. Только то было абсолютно лысым, а у незнакомца на висках и чуть выше лба виднелись черные углубления-разъемы, которые были совершенно не нужны искусственным полуорганическим-полукибернетическим телам, предназначенным для операций на искаженной территории. Те с самого начала производились с одним многопоточным переходником-штекером. Со всем этим как-то не вязалась и надетая на незнакомца обычная толстая псевдо-кожаная темная куртка с высоко поднятым воротником, которую также позволили разглядеть бледные, периодические мигающие потолочные осветительные панели. Псевдотелам обычная одежда никогда не была нужна – они не мерзли, если этого не желало управляющее ими сознание, да и никаких причиндалов, которые следовало ей прикрывать, у них не было, несмотря на всю остальную внешнюю схожесть с полностью органическими человеческими телами.

– Так пусть смотрят под ноги! – возмутился недопивший, прервав размышления Алекса. – А про стеклянную тару я уже сто раз говорил. С ней проще определять искаженные области. Двойная польза! Потому и пользуюсь. Металлы искажаются незаметнее. А потом еще неожиданно слизью покрываются. Ненавижу слизь!

– Седьмой, вспомни себя, когда вышел босиком из капсулы. Когда думал только о том, спас ли ты всех или нет, вместо того, чтобы смотреть под свои ноги. Вспомни о путанице,

что была в твоей голове после пробуждения. Убери осколки и побыстрее! У нас мало времени! – вмешался издали прежний женский голос. – Первый, как там Алекс Ноль-шестьдесят-четыре?

– Ладно, ладно. – согласился недопивший Седьмой. – Сейчас все уберу. Только найду – чем это сделать.

– Жив, – раздался рядом голос Первого. – Начинаю отключать системные кабели.

– Хорошо. Помоги ему выбраться из капсулы. Сообщи Второй, как только управишься, и веди его в зал к остальным. Вторая, готовься будить и вытаскивать Ноль-шестьдесят-третьего по сигналу от Первого! Начинаю отключать его капсулу от ноо-ретранслятора. Восьмая, готовься принимать от Первого очередного Алекса.

– Гх... гх... хде-егх? – только и смог прохрипеть Алекс: что-то постороннее в горле мешало говорить.

– Подожди немного. Освобожу от системных кабелей и питающих трубок – потом все узнаешь вместе с остальными, – пообещал Первый, копясь своими холодными руками под его шей и спиной. От каждого его прикосновения по коже Алекса пробежали мурашки.

Несколько громких щелчков под Ноль-шестьдесят-четвертым, и все пути разом отпустили его. А из горла наружу полезла странная теплая густая и совершенно безвкусная жидкость.

– Давай помогу, – Первый успел резко повернуть Алекса на левый бок как раз вовремя, прежде чем организм того начал судорожно выталкивать из себя наружу питательный раствор. – Целься в таз на полу и держись за поручень, чтобы не упасть.

Перед глазами зажмурившегося Ноль-шестьдесят-четвертого вновь пробежали события недавнего прошлого: последствия первого вдоха на искаженной территории без фильтров шлема. Ощущения сейчас были почти такими же.

– Да, мы все переживали этот момент не только после пробуждения, но и до – во время виртуальной симуляции нашего геройства, – угадал мысли избавляющегося от инородной жидкости Алекса продолжающий придерживать его Первый. – Вернее, один раз – после пробуждения, и, бог знает, сколько – до. Гребаный субквантовый мемо-ластик стирает часть памяти каждый раз после наполовину неудачного завершения миссии и перезапускает симуляцию с чистого листа.

– Первый, поторопись! – вновь напомнил о времени женский голос той, что, похоже, руководила всей группой.

Планета как будто услышала ее, и окружающий мир в очередной раз трянуло, чуть не сбросив Алекса на пол – прямо в металлический таз с только что извергнутой им смесью питательной жидкости и желудочного сока.

– Готово! Восьмая, веди его к тебе! – сообщил Первый, помогая Ноль-шестьдесят-четвертому впервые за долгое время встать на кажущиеся ватными ноги. Перехватил его за подмышку и осторожно повел мимо множества рядов уже пустых эллипсоидных капсул с черными непрозрачными крышками через полутьму, периодически озаряемую бледными вспышками потолочных осветительных панелей.

На Первом были теплые ботинки черного цвета с магнитными защелками, но Алексу пока хотелось оставаться босиком. Теплый пол со скрытыми под поверхностью отопительными элементами приятно согревал голые ступни, помогая быстрее восстанавливать контроль над ними. Но воздух в помещении с капсулами, тем не менее, был прохладен. Тонкая ткань плотно облегающего спец-комбинезона, надетого на Ноль-шестьдесят-четвертом, плохо защищала от холода, вынуждая Алекса периодически поеживаться. Только одно согревало изнутри радостью – он снова был человеком!

И внешний вид капсул, и сама обстановка огромного помещения, заставленного ими подобно какому-нибудь промышленному складу, отдаленно напоминали то место, в кото-

ром он уже бывал во время виртуальной симуляции, казавшейся реальной жизнью. То самое место, где он ради спасения планеты и человечества от Разрыва Реальности добровольно растался с собственным органическим телом при перезаписи субквантовой сигнатуры его памяти в псевдотело. Только тогда вокруг было намного светлее и чище: потолочные панели работали на полную мощность и без перебоев, а на полу не встречались темные лужи питательной жидкости, извергнутой пробужденными мимо заранее приготовленных тазиков.

В последний раз он видел все это, когда ложился в одну из капсул, прежде чем его подключили к системе переноса субквантовой сигнатуры памяти через вживленные в тело электроды, зонды, схемо-сетки с наружными штекерами и через шунты для подачи питательной жидкости по пищеводу в желудок, кислородно-азотной смеси – в легкие через трахею и выкачивания из них углекислого газа, для очистки крови от токсинов, закачки в сосуды дополнительных полезных веществ и слива биологических отходов. Тогда же он в последний раз видел и собственное тело. Открытая, поднятая почти вертикально и закрепленная в таком положении крышка капсулы с зеркальным металлическим покрытием изнутри отражала в тот день его настоящее лицо, чуть искаженное ее вогнутой поверхностью. Он помнил свои ярко-голубые глаза, узкий нос и закругленный подбородок с ямкой. И помнил, что созданное специально для него псевдотело выглядело так же. Псевдотело из виртуальной реальности, как сообщил ему Первый. И спровоцировал этим сомнения Алекса во всех остальных воспоминаниях. И в том, как изначально выглядело его настоящее органическое тело. Еще больше сомнений добавляло то, как выглядели его руки. Слишком правильной формы они были, слишком молодыми и со слишком гладкой кожей. И слишком бледными казались в царящей кругом полутьме. А то, что его называли не просто Алексом, а Алексом-ноль-шестьдесят-четыре и упомянули ноль-шестьдесят-третьего с таким же именем и об одинаковых событиях, которые все они переживали, просто кричало о том, что с его памятью, с его личностью что-то не так. О том, что они могут оказаться ложными.

По пути в зал, где разбудившие его планировали собрать всех извлеченных из капсул Алексов, Ноль-шестьдесят-четвертый судорожно искал глазами хотя бы одну зеркальную поверхность, чтобы убедиться в своих догадках. Но, как на зло, ни одной подобной не находил. И ни одной стеклянной поверхности, на которой в полутьме тоже можно было бы разглядеть собственное отражение в моменты, когда вспыхивали осветительные панели. Как будто кто-то нарочно убрал их все из огромного помещения с капсулами.

Восьмая встретила Алекса и Первого лишь кивком. Молча открыла герметичную раздвижную дверь в соседнее помещение, слегка прикоснувшись ладонью к сенсорной панели на стене рядом. Внешне она мало отличалась от Первого. Никаких выделяющихся черт лица. Только полное отсутствие щетины на подбородке и пара холмиков на темной псевдо-кожаной куртке в области груди.

«Неужели, клоны?» – мелькнула догадка в голове у Алекса. И в дополнение к ней откуда-то всплыло знание о том, что такого быть не должно.

Когда он соглашался на миссию по спасению планеты от Разрыва, еще не было возможности переписывать субквантовую сигнатуру исходной памяти в полностью органические тела без катастрофических последствий для копируемого сознания и тела-приемника – поэтому и использовались искусственно создаваемые аналоги нервной системы и синтетические псевдотела.

– Быстрее проходи в зал к остальным, – поторопил Первый, убирая руку Алекса со своего плеча и прерывая его размышления. – Когда разбудим всех вас – узнаете больше.

Алекс лишь кивнул в ответ, вдруг поймав себя на том, что возможно путает настоящую реальность с виртуальной, в которой был единственной надеждой мира на спасение. Снова тряхнуло, и что-то проскрежетало над потолком. Первый помог Алексу удержаться на все

еще слабых ногах и легонько подтолкнул его в открытый Восьмой дверной проем, помещение за которым освещалось чуть лучше, чем зал с капсулами.

– Осторожнее, там лестница, – предупредила она таким же голосом, как у предводительницы клонов, разбудивших Ноль-шестьдесят-четвертого, и помогла ему пройти дальше. – Держись за перила.

– Спасибо, – достиг ли ответ шагающего вперед Алекса ушей Восьмой, было неизвестно, так как к этому моменту дверь за его спиной успела почти неслышно выдвинуться из стены обратно, герметично перекрыв выход.

Он оказался в небольшом, капитально огороженном справа и слева прочными стальными решетками участке поперечного коридора. Впереди – еще один дверной проем, но уже без самой двери, обе створки которой, видимо, заклинило внутри стен. Панель электронного замка справа на стене была кем-то разворочена: крышка отсутствовала, а почерневшие обрывки проводов торчали из ее ниши наружу подобно маленьким щупальцам. Осветительные панели на потолке не работали. Их заменял закрепленный кем-то на двух прутьях в метре над головой мощный ручной фонарик. Шагах в трех-четыре за перегородками коридор тонул в темноте. Толстый слой серой пыли на давно не мытом полу в освещаемой области ясно говорил о том, что там уже месяцы, если не годы, никто не ходил, не считая клонов, оставивших сегодня после себя несколько рядов одинаковых следов. Откуда-то справа сквозило, вынуждая Ноль-шестьдесят-четвертого надолго здесь не задерживаться.

Потратив минуты полторы на то, чтобы осмотреться, Алекс продолжил путь. Проход с заклинившей дверью вел к небольшой лестнице в один пролет. Освещения здесь, в отличие от коридора, не было – лишь часть ярко-белого конуса, создаваемого фонариком, проникала снаружи – из-за спины Алекса, позволяя увидеть только несколько верхних ступеней. Следуя полученному совету, он спускался, придерживаясь за металлические перила.

Вниз ждала еще одна дверь: темный прямоугольник, обрамленный тончайшей светящейся полоской. На этот раз – не раздвижная, а обычная – закрепленная на петлях. Легонько толкнув ее, Алекс вошел в новое просторное и на этот раз заметно лучше освещенное помещение, вид которого пробудил в глубине сознания Ноль-шестьдесят-четвертого новые воспоминания.

...Он стоит на трибуне перед корреспондентами новостных служб со всего мира и сильно волнуется перед началом своего выступления. Окружающие смотрят на него с надеждой. Надеждой на то, что его открытие сможет спасти планету от возникшей угрозы. От Ока Разрыва, внезапно появившегося и сразу искавшего немалую область посреди целого города. Но он почему-то сомневается в том, что это открытие поможет окончательно устранить угрозу, в природе которой выдающиеся умы человечества пока еще не разобрались окончательно. И это его гложет, так как обязательно необходимо вселить в души людей надежду. А для этого придется врать. Иначе обнаруженный им способ возможного закрытия Разрыва может не сработать. Кроме того, корпоративное начальство не потерпит испорченной презентации. Они пока еще не боятся Разрыва так, как должны бояться. До конца не понимают того, что может из себя представлять это явление и какие последствия – нести за собой. Вместо угрозы они видят в нем очередную возможность побольше заработать и улучшить боевое оснащение собственной частной армии. И это тоже заставляет его волноваться. Без финансирования со стороны самой крупной из транснациональных корпораций задуманное спасение человечества казалось просто невозможным, но то, что слишком самоуверенные ее хозяева могут потом сотворить, используя открытие в корыстных целях, пугало. Заключив с ними вынужденное соглашение, альтернативой которого могло быть его тихое устранение и присвоение ими исключительных прав на использование обнаруженных им способов воздействия на окружающий мир, он лелеял надежду на то, что смо-

жет найти способ предотвратить использование собственного изобретения в сомнительных целях...

– С тобой все в порядке? – вопрос стоящего у входа клон в серой рубашке с номером 080 на груди вывел Алекса из пучины внезапно нахлынувших воспоминаний, которые почему-то казались ему чужими. Не мог он представить себя ученым. С другой стороны, опыт последних минут уже показал, насколько ощущения и память могут обманывать, если последняя была искусственно перезаписана.

– Все хорошо. Никак не приду в себя после пробуждения, – ответил Ноль-шестьдесят-четвертый, оглядывая огромный конференц-зал, заполненный десятками таких же клонов, как тот, что вывел его только что из забытья. На всех – одинаковая серая форма с темно-красным номером на груди. И общее лицо клонов явно отличалось от того, которое должно быть у него, исходя из воспоминаний. И от лиц его разбудивших.

Если все они – Алексы, то и он сам, значит, должен сейчас выглядеть также. А это имя – всего лишь название поколения клонов, к которым принадлежит его нынешнее физическое тело. Но что-то внутри подсказывало, что память о прошлом, о той презентации могла появиться только в том случае, если когда-то он был кем-то другим. Не тем, кем себя считал, вспоминая как впервые засыпает в капсуле. Совмещение памяти сразу двух личностей в одном теле? Но Алексу это почему-то казалось невозможным. Откуда-то он точно знал, что перезапись субквантовой сигнатуры памяти обязательно должна стирать все исходные воспоминания в теле-приемнике по тому же принципу, что и упомянутый Первым мемо-ластик. Если только кто-то не нашел способ переноса отдельных ее фрагментов.

Чтобы убедиться в своих догадках, следовало поговорить с другими Алексами. Но сначала – заполучить одежду потеплее. И обязательно – обувь. Обогревающие коммуникации под холодным полом конференц-зала то ли отсутствовали, то ли не функционировали, и босые ступни Ноль-шестьдесят-четвертого уже начинали мерзнуть. Видимо, поэтому все Алексы здесь и были в такой же обуви, как их разбудившие.

Найти того, кто выдавал одежду, не составило труда: на трибуне перед рядами кресел за длинным столом со стопками формы расположился клон в кожаной куртке. Один из разбудивших – с лицом точно таким же, как у Первого. Узнав от Алекса его номер, клон молча вывел на груди одной из рубашек на столе соответствующее число пульверизатором с бордовой краской. И посоветовал надевать ее после обуви, штанов и всего остального. На вопрос о том, когда разбудившие внесут больше ясности в происходящее, клон предложил подождать. По его подсчетам выходило, что спящих Алексов осталось не так уж и много – значит, и объяснения скоро будут получены. Поэтому, переодевшись, Ноль-шестьдесят-четвертый отправился к самому крупному из скоплений себе подобных, надеясь извлечь побольше информации из сравнения их воспоминаний со своими.

Для того, чтобы сделать определенные выводы, Ноль-шестьдесят-четвертому хватило нескольких часов общения всего лишь с десятью Алексами из полусотни, которой достигла их численность за это время. Периодически в конференц-зал приходили новые клоны. И Ноль-шестьдесят-четвертый вел по получаемым ими номерам обратный отсчет до того момента, когда сможет узнать то, о чем не способны сообщить владельцы копий его нынешнего физического тела.

В их памяти сохранились только события последней симуляции, после которой не применялся мемо-ластик. А вид конференц-зала, в отличие от помещения с капсулами, не вызывал у других Алексов никаких ассоциаций с событиями в прошлом. Они вообще не помнили ничего, кроме своей миссии по проникновению в самое сердце Искаженной территории с контейнером, заполненным связанным веществом для формирования бомбы, внутри собственного псевдотела.

Но между ними и Ноль-шестьдесят-четвертым обнаружилось еще одно немаловажное различие. То, как они воспринимали все происходившее во время симуляции и сейчас – после пробуждения. Их понимание оказалось поверхностным. И отличалось от понимания Ноль-шестьдесят-четвертым так же, как отличаются взгляды на окружающий мир обычного, далекого от науки человека, и ученого, осознающего суть и закономерности сложнейших процессов. Причем, в прямом смысле. Никто из Алексов, кроме него, не понимал, каким образом происходит копирование памяти из оригинального, рожденного физического тела в тело искусственно выращенного клона. Осознавали, что их тела являются всего лишь клонами из-за своей схожести в самых мельчайших чертах и деталях, но не знали таких терминов как «субквантовая сигнатура памяти» или «квантовая запутанность». Пытались дать хоть какие-то разумные объяснения происходящему, но для этого не хватало знаний и словарного запаса. Поэтому Алексы периодически путались в своих догадках.

Ноль-шестьдесят-четвертому удалось вывести все это, не раскрывая своего отличия от остальных, но внимание раздающего одежду клону он все же привлек. Тот теперь постоянно задумчиво смотрел в его сторону, периодически поглядывая на наручные часы. Видимо, начал догадываться о том, что он – Ноль-шестьдесят-четвертый – может оказаться тем, кого разбудившие ищут среди Алексов.

Только зачем он им нужен? Какие цели они преследуют? Пока разбудившие не раскроют свои карты, Ноль-шестьдесят-четвертый решил не раскрывать свои. Постарался слиться с продолжающей разрастаться в конференц-зале однообразной толпой. И найти внутри себя хотя бы часть ответов о происходящем. Он чувствовал, что знает их. Те лежали где-то на самой поверхности памяти, но постоянно ускользали, как только Ноль-шестьдесят-четвертый в своих догадках подбирался слишком близко. Что-то блокировало самые важные его воспоминания. Те, что содержали полное знание об открытии, которое он тогда, в прошлом, презентовал в этом конференц-зале или другом, но очень на него похожем. И те, в которых скрывался ответ на вопрос: что же пошло не так со спасением планеты от Разрыва Реальности? Откуда все эти землетрясения? И зачем нужно было прерывать симуляцию, если она должна была защищать человечество от вторжения чуждой реальности? Любые попытки вспомнить больше вели его по петле, постоянно возвращая к этому вопросу и, как нарочно, обходя стороной все самое важное. Единственным, за что еще можно было зацепиться, казался упомянутый одной из разбудивших ноо-ретранслятор. Ноль-шестьдесят-четвертый понимал, что точно должен знать принцип его работы. Но любая попытка думать об этом делала мысли ватными и путанными, в очередной раз вынуждая складывать развалившуюся мозаику из доступных воспоминаний с самого начала.

Ноль-шестьдесят-четвертый ушел в себя настолько, что не заметил прибытия в конференц-зал последнего Алекса и группы разбудивших. Обратил на них внимание только тогда, когда те закрепили на опустевшем без одежды столе принесенный с собой куб-минипроектор и приглушили яркость осветительных панелей. И когда один из разбудивших обратился ко всем разбуженным.

– Наверняка каждый из вас, проснувшись сегодня, задавался вопросом: что же происходит? – голос говорившего был таким же, как у Первого, но был ли это он – Ноль-шестьдесят-четвертый не смог определить. – Пришло время, когда вы сможете узнать ответы на все вопросы, что вас могли сегодня мучить. От того, кто ранее разбудил нас и отправил на поиски человека, способного спасти планету от Разрыва Реальности, с которым, как считалось, должны были помочь справиться множественная виртуальная симуляция и ее ретрансляция в ноосферу. Но слишком многое пошло не так, как планировалось, и теперь наша родная планета разрушается. Один из вас хранит в себе информацию, которая позволит ее спасти. И активировать нужные воспоминания поможет только просмотр записи, оставленной для нас всех тем... – пол под ногами ощутимо заходил ходуном, вынудив говорившего ненадолго пре-

рвать речь и вцепиться в стол, чтобы не упасть, а остальных, кто еще не сидел – сесть в зрительские кресла конференц-зала. – Тем, кто поместил в него эти воспоминания. Землетрясение пока можете не бояться. Если просто трясет – значит, расщелины от Разрыва до нас еще не добрались. А здание – достаточно крепкое. Шарнирная сцепка этажей еще долго не позволит ему развалиться. Когда до нас доберется хотя бы одна расщелина – мы сразу это поймем. Сразу заметим даже малейшие проявления искажений благодаря составу, покрывающему стены. Но и выбраться наружу без помощи информации, скрытой в одном из вас, мы не сможем. Те, кто проектировал Центральный ноо-ретранслирующий комплекс, заранее предусмотрели любое несанкционированное проникновение, запирающее внутри нарушителей. В обычных обстоятельствах все здесь давно уже кишело бы бойцами корпоративной армии. Если бы все они чуть раньше не подверглись искажению, перестав быть людьми. Вряд ли снаружи остался еще хоть кто-то, кто может нас отсюда вытащить. Все придется делать... – вновь ощутимо трянуло, вынудив говорившего на несколько секунд замолчать. – Выбираться нам придется самостоятельно. Поэтому, предлагаю всем удобно устроиться в креслах и начать просмотр записи, в которой скрыт ключ к нашему спасению. – закончив речь, клон легонько коснулся минипроектора на столе и направился к рядам кресел, чтобы занять там свое зрительское место.

Яркие лучи света, сгенерированные минипроектором, ударили в тонкую многослойную конструкцию, занимающую всю стену за трибуной, и, множество раз разделившись и преломившись внутри нее, вырвались обратно, образовав своим пересечением в пространстве между сценой и зрительскими рядами большое, похожее на круглую монету, трехмерное голографическое изображение древнего черно-белого символа, который Ноль-шестьдесят-четвертый узнал с первого взгляда. Инь-ян. Два противоположных, но взаимодополняющих и перетекающих друг в друга начала, каждое из которых несет в себе зародыш другого. Голографическое изображение завертелось, приобретая форму сферы. Затем сменило ось вращения на параллельную взгляду зрителей, и два основных элемента символа стали менять цвета, разделяясь на множество своих более мелких копий, плавно перетекающих друг в друга.

Множественный аналог символа «инь-ян» исчез, резко сжавшись в точку, и вместо него в воздухе возникло человеческое лицо, очень знакомое Алексу-ноль-шестьдесят-четыре. Усталые, когда-то яркие, но уже поблекшие голубые глаза, узкий нос. Подбородок скрывала короткая седая борода, но Шестьдесят-четвертый готов был поклясться собственной жизнью, что видит свое настоящее лицо. То, каким оно должно быть, судя по воспоминаниям.

– Если эту запись смотрят клоны, разбуженные лично мной, – начал усталым голосом свою речь человек на голозаписи, – значит, все попытки спасти Землю иными способами провалились, и остался только один путь, который корпоративное руководство вряд ли одобрит. Для них подобный исход неприемлем. Да и не только для них. Мало кто захочет отказаться от всей своей прежней жизни ради всеобщего спасения. Но иного выхода, похоже, не осталось. Если эту запись смотрят специально модифицированные для использования в ЦНК... в Центральном ноо-ретранслирующем комплексе, клоны поколения АЛЕКС, значит разбуженные мной ранее уже добрались до корпоративного руководства и смогли добыть у его представителей информацию о точном местоположении ЦНК, до которого мне самому уже не добраться. Также это означает, что корпоративного руководства больше нет – все они мертвы. А одному из вас, Алексы, предстоит спасти нашу родную планету от разрушения. Но для того, чтобы это сделать, ему следует знать, что происходит и с чего все это началось. Кроме того, без просмотра этой записи, он не сможет вспомнить то, что вспомнить просто обязан. Иначе весь наш мир обречен. И не только наш.

Глава 3. Противостояние

Первичный Разрыв появился там, где его образование по причинам чьих-либо научных опытов и экспериментальных ошибок вряд ли было возможным. Посреди детского развлекательного парка в одном из небольших, до сих пор населенных городов-музеев, где правительство намеренно сохраняло архитектуру и коммуникации прежних культурно-технологических этапов развития человечества. И проявил себя в день, когда праздновалось тысячелетие со дня его основания. Когда его улицы и парки были заполнены толпами радостных людей. Разрыв реальности превратил их праздник в кошмар, оказавшийся лишь слабым предвестником того, с чем человечеству предстояло столкнуться в дальнейшем. Ранее он никак не обнаруживал себя, а тут окружающий ландшафт начал меняться прямо на глазах. Искажаться, – как позже было решено называть этот процесс трансформации материи и энергии.

Все вы видели, на что стал похож тот город. Виртуальная модель его наземной части для использования в ноо-ретранслирующих комплексах была детально воссоздана по голографическим снимкам и записям, сделанным в первые дни, пока на искажающейся территории еще могла бесперебойно работать электроника. А позже – по определенным причинам была дополнена некоторыми кардинальными правками, не имеющими ничего общего с реальностью. С тем, как он тогда выглядел, вас знакомили на виртуальных тренировках, прежде чем отправить на миссию с бомбой внутри псевдотела. Но в первые дни Око Разрыва было совсем маленьким и почти незаметным для невооруженного глаза, а щупальца искаженной земли только начинали к нему тянуться. И оказавшиеся под его взглядом живые существа искажались не так быстро и заметно, как это происходит сегодня.

Город по периметру оцепили военными заслонами и кордонами. Объявили его зоной карантина. Никого, кроме специальных научных групп и военных, на территорию города не впускали. И не выпускали обратно. Одновременно с этим начались тщательные проверки всех научных сообществ и корпораций, которые могли оказаться замешанными в происходящем. По всей планете. И сидевшие уже долгое время тихо самые крупные транснациональные корпорации воспользовались ситуацией для ответной дискредитации правительств сразу нескольких крупных государств.

Этот нарыв зрел давно, и проявление Ока Разрыва только ускорило процесс. Массовые протесты с купленными заводилами и костяком. Возобновление давно уже не удававшихся корпорациям открытых попыток протолкнуть своих в правительства самых разных стран. Саботаж поставок оборудования и продуктов на околоземную орбитальную и некоторые из планетарных колоний на Луне и Марсе – как государственных, так и корпоративных. И последовавшие за ними взаимные обвинения. Новый политический кризис. Новый экономический кризис. Новые всемирные проблемы, из-за которых почти все на время забыли об относительно малой карантинной, искаженной зоне. Почти все, кроме тех немногих, кто уже тогда увидел в ней возможность новых открытий или обогащения. И тех, кто непосредственно столкнулся с искажениями в самые первые дни. Тех, кто видел собственными глазами родителей, отчаянно ринувшихся в искаженную область пространства в поисках собственных детей. Тех, кто видел, во что превращал их взгляд Ока Разрыва. Большинство оказавшихся внутри этой, изначально заполненной непроглядной серо-зеленоватой дымкой области так и не вернулись обратно. Большинство из немногих вернувшихся уже не были «людьми» в привычном для нас смысле этого слова. Верхняя часть их тел напоминала головоногих моллюсков, нижняя – рептилий и земноводных, вдруг научившихся ходить на задних лапах. Из-за обнаруженного позже наличия на их спине еще и рудиментарных крыльев кое-кто даже предлагал дать им название в честь лавкрафтовского Ктулху, но по определенным соображениям этот вариант был отвергнут в пользу «искаженных».

Лишь единицы вернулись наружу в исходном физическом состоянии. Самые радостные из родителей, всей душой верившие, что найдут своих детей целыми и невредимыми. И дети, вера которых в то, что матери и отцы обязательно их спасут, была наиболее сильной. К сожалению, об этой важной мелочи мы узнали слишком поздно, – когда почти через полгода анализировали их эмоции на голозаписях с камер общественного наблюдения, работавших в тот день по всему городу, и доступные для изучения факты их прежней жизни.

Никто из побывавших в искаженной области не проживал и десяти минут. Вне зависимости от наличия внешних изменений. Их тела прямо на глазах рассыпались в пепел. Как показали проведенные позже химические анализы: именно в настоящий пепел, который обычно образуется при сжигании трупов в крематориях, а не во что-то иное, внешне с ним схожее. Они будто заживо сгорали в огне. Но без самого пламени.

Исследовательские группы Международной Академии Наук прибыли к месту проявления необычного феномена в первый же день. Каждая занималась его изучением с точки зрения своей области, но все они получили один общий результат. Любая попытка извлечь достаточно долго пробывшие на искаженной территории материальные объекты наружу приводила к их мгновенному разрушению в результате быстрого окисления либо распада на химически-неактивные компоненты. Контактные приборы-детекторы, датчики которых оказывались внутри, буквально сходили с ума. Их показания хаотично менялись почти каждую секунду без каких-либо веских на то причин. Даже после того, как их выключали. По этой же причине и данные, полученные с голокамер в парке, пришлось долго и усердно чистить от различных помех, прежде чем с большим трудом была получена первая грубая и схематичная картина произошедших с ландшафтом аномальных изменений. Попытки провести анализ, просвечивая аномальную область насквозь жестким излучением также мало что дали, если не считать знания о том, что оно могло как поглощаться ею, так и преломляться самым неожиданным образом, выходя наружу то в одних областях, то в других. Без каких-либо видимых для нас закономерностей.

Самое полезное, что тогда смогли обнаружить, – это граница, на которой заканчивалось нормальное пространство и начиналось искаженное. И за которую не могла проникнуть серо-зеленая дымка, мешающая заглянуть внутрь невооруженным глазом. Невидимая и неосязаемая для человеческого прикосновения поверхность, при достижении которой датчиками приборы начинали сходить с ума либо моментально выходили из строя, проникала глубоко под землю и возвышалась высоко над поверхностью, образуя громадную капсулу, состоящую из двух вертикально и симметрично расположенных параболических куполов. Зная это, можно было верить, что с тобой ничего не случится, пока не пересечешь обозначенную границу. И избегать воздушных катастроф из-за попадания летного транспорта внутрь запретной области.

Никакой выгоды от исследований искаженной области ни государства, ни корпорации, в те дни еще не видели. А их усугубившееся противостояние вынуждало тратить больше внимания, времени и средств на решение совсем иных проблем. Поэтому об аномальной области они практически забыли до того самого момента, пока не произошло ее резкое расширение, и внутри не оказалась территория, по площади превышающая прежнюю более чем в десять раз. Тогда же исчезла и серо-зеленая дымка, открыв нам возможность видеть происходящее внутри. А новая граница искаженной области стала нечеткой и размытой, разрушив нашу ложную веру в собственную безопасность. Лишило нас единственного оружия, которое сдерживало распространение искажений первое время. Жаль, мы тогда еще не догадывались о том, что она может быть средством борьбы с чуждой реальностью. Иначе смогли бы выиграть себе больше времени для поиска правильных решений.

Как только мы смогли заглянуть внутрь искаженной области, власти только усилили контроль за тем, чтобы никто не приближался к границе без особых распоряжений сверху. А все пути возможного выхода информации за пределы оцепленной области постарались пере-

крыть настолько, насколько это было возможным. Два изначальных внутренних кольца-заслона охраны периметра оказались поглощены искажениями в момент расширения, и поэтому новые их аналоги расположили как можно дальше от эпицентра. Экстренно созданная в связи с необходимостью поиска средств контроля за ситуацией международная военно-исследовательская организация включала в себя и представителей самых крупных транснациональных корпораций, наконец увидевших возможность получить в будущем немалую выгоду от изучения аномальной области. Их противостояние с государственными машинами на время вновь вернулось по большей части в тень. Они оказались нужными друг другу. Находящихся у государственной власти не радовала возможная перекупка корпорациями того, кто найдет решение возникшей проблемы. Но они нуждались в определенных возможностях, доступных только их противникам. Временный союз давал больше контроля над ситуацией для обеих сторон. Точнее – большую иллюзию контроля, как показали последующие события.

Опасность дальнейшего расширения искаженной области была не единственной причиной союза между государствами и неподконтрольными им корпорациями. Более важным объединяющим фактором стало увиденное нами за границей чуждой реальности. Высокотехнологичная цивилизация разумных искаженных. Био-синтетическая полуживая техника. Значительно выросшее в размерах всенаправленное вертикальное Око Разрыва, взгляд которого окрашивал окружающий ландшафт в бледно-зеленый цвет. И необъятные пространства, значительно превышающие по площади область нашей реальности, занятую искажениями.

Перемещаясь вдоль условной границы реальностей на определенное расстояние в нашем мире, относительно обратной стороны мы проходили заметно больше. И эта разница не была фиксированной – она менялась при каждом новом измерении, не позволяя точно определить размеры искаженной области. И видеть обратную сторону мы могли только пока находились в состоянии покоя относительно нее. При любом движении вдоль условной границы фиксируемая приборами и нашими собственными глазами визуальная картина расплывалась и искажалась. Аналогичное происходило и тогда, когда мы двигались по нормали к ней. В зависимости от расстояния до границы менялось доступное для нашего наблюдения поле зрения. Чем больше мы удалялись от искаженной территории – тем сильнее оно сужалось.

Уже за первую неделю после расширения аномальной области ее условную границу буквально облепили научные группы, получившие добро или приказы на соответствующие исследования. Причем подобное происходило не только с нашей стороны. Искаженные, похоже, смогли впервые выглянуть наружу тогда же, когда и мы получили возможность наблюдать за ними.

Первые попытки общаться между обитателями разных миров ознаменовались совершением первых фатальных ошибок. Мало того, что мы не могли друг-друга слышать. Мало было разницы в нашей физиологии, восприятии и в используемых для письма языковых формах, мешающих нам понимать друг друга. Так еще и о новом – переменном состоянии границ между нашими мирами мы не догадывались. Ни зрительно, ни с помощью привычных приборов определить ее, как и раньше, было невозможно. А так как искажение объектов с нашей стороны, попавших к ним, и разрушение уже подвергшихся искажению при попадании к нам происходило с некоторой задержкой, то многие, случайно перешедшие границу, не сразу поняли, насколько приблизились к собственной смерти. И только единицы среди людей и искаженных вовремя успели осознать единственный путь к выживанию в такой ситуации. Для гостей с иной стороны – очень быстро вернуться в свой мир, пока не рассыпались в пепел. Для моих коллег-людей – навсегда остаться на территории чуждой реальности, став ее частью. В нашем мире и тех, и других ожидала лишь быстрая смерть. Таким образом, меньше чем за час обе реальности понесли невосполнимые потери среди самых светлых умов, проявивших в своем энтузиазме фатальную неосторожность.

Искаженные, вовремя вернувшись в свой мир, смогли сохранить внешнюю форму. Но представители человечества, оказавшиеся навсегда запертыми по ту сторону... Никто из наблюдавших не ожидал такого стремительного превращения. Они менялись прямо на глазах, становясь частью иной реальности. Позже изучение сделанных в тот день голографических записей позволило определить, что превращение объектов... людей происходило с различной и, более того, переменной скоростью. Некоторые искажались чуть медленнее, но один их взгляд на соседей по несчастью – и все менялось. Превращение резко ускорялось. Потеря ими веры в то, что смогут подольше оставаться собой прежними, оказалась критическим условием, лишаящим любой сопротивляемости искажению.

Ни мы, ни наши коллеги из иной реальности не могли упустить возможности понаблюдать за этим процессом. Но если мы по завершении превращения наших сородичей продолжали наблюдение за ними, то обитатели другой стороны просто переставали обращать на них внимание. А буквально только что полностью искажившиеся представители человечества, казалось забывали о своей прежней жизни. С удивлением оглядывались на границу реальностей, минуто-две с непониманием происходящего смотрели на нас, а затем просто разворачивались и уходили вглубь мира, ставшего для них новым домом. Видимо, искажение еще и стирает всю память любому, кто пересекает невидимую границу реальностей. И что-то делает с воспоминаниями остальных обитателей той стороны. Иначе объяснить подобное поведение мы просто не могли.

Данный инцидент почти не сказался на нашем энтузиазме, но заметно повлиял на осторожность. Не только в плане собственной безопасности рядом с границей искаженной области, но и в связи с потерей в тот день немалого количества дорогостоящего оборудования. Теперь и мы, и обитатели иной реальности старались держаться еще дальше друг от друга, очертив границы с обеих сторон условными линиями, пересекать которые впредь строго запрещалось. А ночевать старались вообще в десятках километров от опасной области.

Впрочем, и эти меры безопасности вскоре показали себя не слишком эффективными, а в определенных обстоятельствах – даже очень опасными для остального человечества. А все потому, что мы впервые напрямую столкнулись с тем, как наша вера может влиять на искаженную область и ее взаимодействие с нашей реальностью. С тем, что и подтолкнуло нас к последующему, более тщательному, чем ранее, изучению голографических записей, сделанных в первые дни после появления Разрыва.

Мы столько времени проводили за изучением аномалии, что она начала нам сниться. Кто-то видел во сне красивейшие цветы, не существующие в нашем мире, или необычайных животных, а кто-то – огромные строения с невероятнейшим дизайном. Через день-два происходила их материализация. Причем, точно в тех же местах на искаженной территории неподалеку от границы реальностей, где они находились в снах. И обитатели иной стороны не обращали на них никакого внимания, как и в случае попадания к ним и последующих метаморфоз представителей человечества. Осознали мы это только тогда, когда материализация снов приобрела массовый характер среди изучавших искаженную область. А до этого считали, что иная реальность просто находится в метастабильном... неустойчивом, в постоянно изменчивом состоянии. Некоторые из-за этого решили немного отдохнуть от изучения аномалии и уехали подальше от нее.

И это были еще только цветочки. Потому что однажды нескольким из нас приснились кошмары. Кто-то увидел начинающееся искажение собственного тела. А кому-то приснилось, что граница с иной реальностью вновь сдвинулась, поглотив здание, в котором они ночевали. Боясь материализации кошмаров, мы поспешили максимально удалиться от искаженной территории, прихватив с собой практически все оборудование. Военные на внутреннем периметре были уже в курсе первых последствий наших снов, и поэтому нам пришлось поспешно проходить проверку на детекторах лжи прямо на контрольно-пропускных пунктах. Выпускали

наружу только тех, в чьих ответах о приснившемся не было оснований сомневаться. Только тех, кто точно помнил, что ему снилось, и только в том случае, если это не было что-то, что могло бы привести к катастрофическим последствиям для нашего мира при материализации. Мне, как и многим другим, повезло не увидеть в ту ночь опасные сны.

Территорию в пределах внутреннего периметра объявили карантинной. Там же, заранее обрекая на незавидную участь, оставили всех, чьи сны напугали наших работодателей. Позднее даже ходили слухи, что был отдан и исполнен засекреченный приказ об их расстреле. Но даже если и так, то ничем это нашему миру и человечеству не помогло. Тем более кошмары, судя по всему, приснились и кому-то из ранее уехавших подальше от аномальной области. Потому что через пару суток в разных частях планеты вспухла целая дюжина новых пузырей с искаженными областями внутри. С эпицентрами именно в тех местах, где в тот момент находились ранее изучавшие первую аномальную территорию.

Правительства стран, ставших новыми жертвами вторжения чуждой реальности, с трудом сдерживали собственную панику. Оцепив новые пузыри карантинными кордонами, никому не позволяли покинуть ближайшие территории или приблизиться к ним. Всеми силами пытались скрыть происходящее внутри от общественности. Но теперь сделать это было не так просто, как в случае всего с одной искаженной областью. Потеря небольшого городка вместе с его населением им казалась еще не столь критичной. Но оттяпанная аномальными областями пара громадных мегаполисов все меняла. Слишком многие пытались найти своих родственников, любимых и друзей, оказавшихся по ту сторону. Вовремя пресечь выход наружу информации о происходящем в аномальных областях не вышло. Слишком многие начали задавать неудобные вопросы. Вспыхнули народные волнения. И помочь справиться с этим не могли даже заинтересованные в положительных результатах корпорации, собственность нескольких из которых также пострадала от материализации снов моих коллег. На этот раз они вынуждены были помогать официальным властям сдерживать беспорядки всеми силами и возможностями, какие были в их распоряжении. И периодические перегибы с применением силы ради остановки прорывающихся через заграждения групп лишь усиливали негативные настроения среди живущих поблизости от новых карантинных зон.

Первичная искаженная территория также выросла, раскинув в стороны свои щупальца. Тех, кто ее изучал, включая меня, теперь не выпускали за пределы нового внутреннего периметра карантинной зоны. За каждым нашим шагом присматривали работники местных спецслужб. Пытались торопить нас с поиском решения новых проблем. Но нам и самим требовалась помощь. Чтобы избавиться от снов, и больше не способствовать распространению заразы чуждой реальности.

У науки не было однозначных решений. Слишком расплывчатые предположения в психологии и психиатрии у меня практически всегда вызывали сомнения в их верности по причине слишком высокой степени субъективности делаемых в них выводов. А фазы сна ранее изучались только в плане влияния на здоровье, а не ради избавления от одной из них. И так как официально-признаваемые науки не могли дать нам возможных решений, а большая часть фактов, связанных с феноменом искажений, с которым мы столкнулись, также не могла быть ими объяснена, пришлось нам – ученым, не раз вступавшим в противоборство с «лженауками», – искать ответы в стане нашего «противника». После того, с чем мы уже столкнулись, против подобного подхода категорично высказывались только самые упертые, для которых занятие всей их жизни стало, как бы это забавно ни звучало, чем-то сродни религии. Никто из них даже в мыслях не мог допустить расшатывания и, тем более, намеков на возможное разрушение догм того, во что они верили всю свою жизнь. Слава богу, те, на кого мы работали, не были столь категоричны. Поэтому всем нам в последующие дни пришлось рыться во всемирной сети и перелопачивать сотни мегабайтов и даже гигабайты самой разной научной, псевдонаучной, фантастической, мистической и даже религиозной литературы. А ведь когда-то мы

даже представить себе не могли, что однажды будем на полном серьезе искать научные ответы в книгах, основанных на вымысле, а не среди реальных фактов.

Проявления аномальной области ненадолго перестали нам сниться. Возможно, источнику искажений, прежде чем продолжить рост, требовалось восполнить энергию, затраченную на скачкообразное расширение первой зоны и создание ее подобий в разных частях планеты. Но даже несмотря на это мы не прекращали поиска ответов. Потому что без более глубокого понимания явлений и закономерностей, лежащих в основе искажений, не могли просчитать тот момент, когда по нашему миру может быть нанесен очередной удар. Научные группы в пределах внутреннего периметра заграждений вокруг первичной аномальной области и на всей планете круглые сутки штудировали литературу, которая хоть немного касалась снов и их материализации. Литературу, которая могла дать нам хоть какие-то намеки на возможные решения, подтолкнуть нас в нужную сторону. Почти каждый день выдвигались новые теории и проводились эксперименты. Последние ставились вдалеке от аномальных областей. И уже через неделю нам удалось нащупать правильный путь. Но даже он не мог дать стопроцентного избавления от снов.

Массовые эксперименты показали, что обе фазы – со сновидениями и без них – у каждого из испытуемых соответствуют только определенному, индивидуальному для них времени суток. Небольшие смещения точек их начала и завершения, в большинстве случаев, не более, чем на час-три, также пришлось учитывать. И искать способы определения того, будет ли что-то сниться ныне бодрствующему человеку, если он уснет прямо сейчас. Здесь на помощь могла прийти только кибернетика. Точнее, один из ее разделов – бионика.

Легкие мобильные приборы, постоянно детектирующие некоторые параметры здоровья своего носителя, уже существовали. Требовалось лишь немного их усовершенствовать. Дополнить несколькими функциями, включающими в себя не только анализ, но и воздействие. Не только передачу данных наружу для их обработки, но и прием сигналов извне, на тот случай, если срочно потребуется дистанционно откорректировать работу прибора.

Полностью осознавая, что корпорации, занимающиеся разработкой мобильных медицинских сканеров, без соответствующего запрета обязательно используют эти наработки для внедрения и в гражданские модели детекторов здоровья, правительства большинства государств издали соответствующие указы, подкрепив их еще и резолюцией в не так давно возрожденной Организации Объединенных Наций. Но это лишь ненадолго отсрочило неизбежное. Судя по тому, как быстро удалось наладить массовое производство необходимого нам прибора, соответствующие разработки уже существовали, но не демонстрировались публично. Прятались несколькими разными корпорациями в самых темных углах «секретных кладовок» в ожидании того момента, когда их, наконец, можно будет применить легально и с большой финансовой пользой.

Проблему снов мы решили всего лишь за несколько месяцев. Правда, для этого корпорация «СайБиоТех», владеющая несколькими из компонентов решения общей проблемы, вынуждена была приобрести не очень-то уж и дешевые контрольные пакеты акций менее перспективных, но имеющих в своем распоряжении остальные необходимые детали мозаики, которую нам предстояло собрать. Предложенные им условия объединения, видимо, оказались настолько выгодными, что отказаться те не смогли.

И теперь время нашего сна довольно жестко контролировалось небольшими мобильными приборами. Сколько бы раньше не говорили о необходимости сновидений для полноценного отдыха, новый опыт показал совершенно обратное. Высыпались мы теперь намного лучше. А проснувшись – всегда чувствовали себя очень бодро. По этой причине руководство «СайБиоТех» -а все-таки смогло выторговать у официальных властей возможность использования подобных приборов в чуть упрощенном виде – без определенных функций – в целях лечения хронической усталости, недосыпания и иных проблем того же ряда.

Пока немалое число моих коллег продолжало прямое изучение феномена Разрыва Реальности, я искал способ навсегда вернуть в прежний вид области планеты, поглощенные искажениями. Если аномалия использовала для собственного распространения наши сны и веру, пока мы спим, в их правдивость, – это же оружие мы могли бы попытаться использовать и против нее. Решение, казавшееся мне тогда единственным верным. Потому что я, как и все остальное человечество, был не готов к изменениям, подобным тем, что нагрянули в наш мир с появлением Разрыва. Потому что боялся их.

Самым большим препятствием явилась необходимость замены естественных сновидений искусственными, виртуальными с прямой доставкой их в центральную нервную систему спящего человека, минуя, как минимум, органы зрения. Со слухом, обонянием, осязанием и остальными чувствами все было заметно проще. Система виртуальной реальности полного... точнее, почти полного погружения уже была разработана и применялась на практике в самых различных областях человеческой жизни. Только с глазами оставалась проблема. Все мы спим с закрытыми глазами, а принудительное удерживание век поднятыми слишком негативно сказывалось на здоровье спящих. Да и световое излучение экрана в шлеме виртуальной реальности оказывало излишнюю нагрузку на здоровье.

Давно уже в области протезирования использовались бионические глаза, позволяющие ослепшим видеть хоть что-то. Но и этого «хоть чего-то» было мало. По причине слишком низкого качества картинки, передаваемой ими в мозг. А наличие у пациента собственного зрения создавало еще больше помех в работе дополнительно подключаемых к его нервной системе биоэлектронных сканирующих глаз. Для полного погружения требовалось избавиться от естественного зрительного восприятия. Но согласился бы хоть кто-нибудь добровольно лишиться собственных живых, нормально функционирующих глаз? Не думаю.

Барьер, одновременно и этический, и технологический, казался неприступным. И теперь, в поисках новых путеводных ниточек я выпрашивал у начальства доступ на периодически проводящиеся по всей планете закрытые научные конференции, касающиеся тех областей, которыми ранее, до появления Разрыва, никогда не интересовался. Слушал доклады своих пожилых и молодых коллег, их обсуждения. Впрочем, в открытую мне удавалось узнать заметно меньше, чем в кулуарных разговорах с некоторыми из них один на один. Сам задавал им дополнительные вопросы, выслушивал ответы и делал в своих записях пометки. Составлял из множества разрозненных элементов-идей один большой схематичный план, объединяющий их все для достижения моей конечной цели. И параллельно с этим следил за новостями и данными исследований, приходящими с границы реальностей. А они становились все тревожнее.

Странные изменения в составе, структуре и распределении растительности вокруг границ аномальных областей. Паника в поведении птиц и животных, при приближении к ним. Не менее странные и сначала почти незаметные колебания механических напряжений в твердых материалах: от обычных камней до всевозможных искусственных конструкций, включая не так давно заброшенные здания в пределах охраняемых внутренних периметров. Своих крайних значений они достигали вблизи самих границ, от которых все старались держаться подальше. Иная реальность потеряла возможность использовать для собственного расширения наши сны, но это ей, похоже, не слишком сильно мешало. Динамика и распределение изменений говорили только об одном: нас ожидало очередное, еще более резкое и масштабное, чем ранее, разрастание аномальных областей.

В то же время среди групп, занимающихся исследованиями у границы реальностей, прошел слух о том, что кто-то, изучая искажения и данные по воплощениям снов, нашел множество совершенно новых способов прикладного использования квантового эффекта запутанности не только в области создания коммуникаций для передачи информации, где мы его использовали уже давно, но и в самых разных научно-технологических, военных областях и даже в быту. А затем – другие. О том, что сделавший открытие покончил с собой, так

и не рассказав никому подробностей. О том, что к границе реальностей прибыли представители службы безопасности корпорации, на которую тот работал, провели обыски у его коллег – тоже своих сотрудников – и увезли с собой все его оборудование и личные вещи. То же самое было проделано с участниками всей его исследовательской группы и их личными вещами и оборудованием. Их увезли подальше от аномальных областей для проведения полноценного допроса о последних контактах с самоубийцей. Не меньше меня заинтересовал и слух о том, что он работал на «СайБиоТех», продолжающий активно расширяться, присоединяя к себе более мелкие компании, и уже успевший обзавестись просто огромным количеством лоббистов в правительствах большинства наиболее экономически-развитых государств.

Открытие, якобы сделанное самоубийцей, позволяло связать все элементы моего плана по борьбе с вторжением иной реальности в наш мир, позволяло собрать все их в одно общее и конечное решение. Единственное, что теперь требовалось, – это покинуть государственную службу и Международную Академию Наук, а затем – найти способ устроиться в «СайБиоТех». Причем, на такую должность, где смогу воплотить свой план в реальность. Ради такого требовалось встретиться с кем-то из руководства корпорации и обсудить с ними возможность применения моих идей. Но только сделать это следовало так, чтобы без меня сами идеи не имели ценности. Чтобы не исчезнуть навсегда где-нибудь на дне загрязненной промышленными отходами речки в трущобах.

Я знал о том, что правительственные спецслужбы могут быть заинтересованы во внедрении своих людей в самые крупные корпорации, и способны помочь мне достигнуть цели. А уж в решении нынешней проблемы с Разрывом Реальности они просто не могли не быть заинтересованы. Тем более у государственной машины по причине отсутствия доступа к определенным технологиям не было возможности решить ее самостоятельно. Поэтому я обратился к одному из знакомых частных корреспондентов, которого когда-то пытались завербовать в разведывательное управление нашей родной страны. Надеялся, что у него еще остались данные для связи с нужными людьми. И не ошибся, – встречу с ними он мне устроил уже через несколько дней.

Узнав о моих планах по избавлению человечества от нависшей над ним угрозы они собрали целую комиссию для оценки того, стоит ли вообще мне помогать. Проверяли все мои данные, все места прежней работы и учебы, копались в моем прошлом, чтобы удостовериться в том, что я – не агент одной из корпораций. Провели все это очень быстро, а затем отправили на спец-обучение. Так как при устройстве в «СайБиоТех», с учетом всех обстоятельств, меня наверняка должны будут проверить на причастность к спецслужбам, копящим под транснациональные корпорации, в первую очередь готовили к тому, что я должен буду отвечать при собеседовании. К тому, чтобы я мог соврать, будучи подключенным к работающим по разным принципам детекторам лжи, и не раскрыть себя. К тому, чтобы каждый день после внедрения в «СайБиоТех» я мог врать своим работодателям. Обучали уже немало знакомым мне по роду деятельности способам маскировки и защиты информационных носителей от электромагнитных сканеров. Назначили мне куратора, которому я буду обязан передавать необходимую информацию.

На собеседование в «СайБиоТех» я отправился уже через полтора месяца: в тот самый день, когда землю вокруг аномальных областей пронзили обширные сети глубоких трещин, вынудив отодвинуть границы внутреннего периметра от эпицентра каждой из них еще на несколько километров. Работник отдела кадров, только услышав от меня о возможно найденном решении проблемы с аномальными областями, прервал собеседование и быстро связался с начальством. Продолжилась беседа в тот же день, но уже в просторном зале заседаний руководства корпорации, а не в небольшом кабинете. Владельцы «СайБиоТех» -а слишком быстро собрались в полном составе, и среди них оказался мой куратор, что могло значить только одно: вербовка спецслужбой была наполовину обманом. На самом деле, меня уже в те дни вербовала корпорация, которой та давно подчинялась. И проводить проверку на детекто-

рах лжи теперь не требовалось. Они уже знали обо мне все, но не спешили от меня избавляться. Приняли решение предоставить мне возможности и финансирование для избавления от Разрыва Реальности и одновременного получения «СайБиоТех» -ом максимальной выгоды от его исследования. О чем прямо и сообщили, не оставляя иного выбора, кроме как согласиться. Потому что иной вариант не устраивал меня в любом случае. Их он также не устраивал. Мы были нужны друг другу.

Из записей покончившего жизнь самоубийством остались лишь старые сырые наработки, которые ему следовало тоже уничтожить, прежде чем покидать этот мир. Нам, как мы думали, сильно повезло – среди них он оставил то, что дало подсказки: куда двигаться дальше по дороге к сделанному им открытию. Ценой повторения его пути стала необходимость пережить очередное наступление Разрыва Реальности на наш мир спустя полгода после моего перехода на работу в «СайБиоТех». А также полная потеря околоземной орбитальной космической станции и связи с планетарными колониями на Луне и Марсе. Новую обширную аномальную область на поверхности спутника Земли мы теперь могли наблюдать даже через слабые общедоступные оптические приборы: от биноклей до телескопов. Руководство «СайБиоТех» - а торопило нас на пути к созданию оружия против Разрыва Реальности – как могло. А последствия спешки чаще всего оказываются плачевными. Попытка использования построенного нами ноо-ретранслятора, погруженным в вирт-сон человеком оказалась неудачной. Настолько, что об этом даже вспоминать не хочется.

К работе пришлось подключать биохимиков и генетиков. А лоббистам «СайБиоТех» -а – всеми силами проталкивать во всех странах планеты законы об использовании в экстренных случаях запрещенных ранее технологий клонирования, способных теперь спасти все человечество. Как следствие, нам удалось сделать немало новых открытий. Создание клонов-псевдотел с выращиваемой в них дублирующей естественную искусственной нервной системой. Перенос в них и обратно сознаний живых людей благодаря квантовому эффекту запутанности. Перенос в клоны-псевдотела и обратно лишь той части их воспоминаний, которая нам требовалась. Создание и тиражирование искусственной памяти. Клоны с легкостью выдерживали долгое нахождение в вирт-снах внутри капсул, подключаемых к ноо-ретрансляторам. А результат первого эксперимента по воздействию на Разрыв Реальности через ноосферу так и вообще оказался ошеломительным, хоть и не настолько масштабным, как нам бы хотелось. Природа аномальных областей оказалась пластичной, как мы и надеялись. Человеческое сознание с памятью, частично переписанной из живого тела и частично созданной искусственно, мы погружали в вирт-сон, в котором спящий считал себя борцом с Разрывом Реальности и его порождениями – искаженными. Виртуальную модель аномальной области мы создали на основе того, как для нас она выглядела в реальности. А Око Разрыва представляло из себя самый его центр, который бойцу предстояло уничтожить, выполняя задание. Он добирался до него с помещенным внутрь своего псевдотела контейнером со связанным веществом для формирования бомбы за счет эффекта квантовой запутанности и уничтожал Око, вместе с этим полностью освобождая Землю от аномальных областей и погибая сам. После этого вся его память о задании тщательно стиралась из носителя – искусственной нервной системы, – и он начинал выполнять его заново – с самого начала. И так много раз подряд. Мы добились того, чтобы испытуемый по-настоящему верил в то, что действительно борется за спасение планеты и в действенность применяемого оружия. И радость наша не знала границ, когда впервые за несколько лет человечеству удалось отвоевать у Ока Разрыва очень маленькую, ранее поглощенную ею, часть нашей Реальности.

Наше открытие могло бы подтолкнуть человечество очень далеко вперед в развитии техники и технологий, в исследовании тех областей нашей вселенной, в которые мы ранее не могли заглянуть, но у руководства «СайБиоТех» -а появились на него собственные планы, не имеющие ничего общего со стремлением ко всеобщему благу. В то время, как мне пришлось лгать

всему человечеству на всемирной презентации ноо-ретранслятора, способного защитить нас от угрозы Разрыва Реальности, убедительно умалчивать о том, что самой главной составляющей эффективного оружия была их вера в его эффективность, корпорация уже вела переговоры с правительствами большинства государств об использовании их армий для всепланетной борьбы с аномалиями. Тогда я еще не знал об уже запущенном без моего ведома проекте по поиску способа переписывать сознания одних людей в тела других с промежуточным этапом в виде помещения исходной памяти обоих в псевдотела. Но подобный исход все же предполагал. Поэтому и планировал в дальнейшем кое-что изменить в технологиях производства псевдотел и конструкциях ноо-ретрансляторов в процессе доработки прототипов перед тем, как будет запущено массовое производство.

Внести нужные изменения на первом этапе внедрения производства не удалось. Через полгода после всемирной презентации оружия против Разрыва Реальности по всей планете уже располагались огромные ноо-ретранслирующие станции. Участие в Искаженной войне стало одной из официальных альтернатив армейской службе. Более того, «СайБиоТех» сделал все, чтобы молодежь выбирала в первую очередь именно этот вариант, а не традиционный. Корпорации удалось заманить на битву с искажениями и ветеранов, не способных привыкнуть к жизни на гражданке, и инвалидов, не чувствующих себя живыми вне битвы. Тех, кто просто не мог уже жить тихой спокойной жизнью. Они подписывали контракты, отдавали свои настоящие физические тела в распоряжение «СайБиоТех» -а, даже не задумываясь о том, в каких целях последние могут использовать. Только ради того, чтобы вновь почувствовать себя живыми, целыми, полными сил, а не инвалидами, не способными к нормальной жизни на гражданке. Даже те, к кому в снах приходили убитые ими или умершие поблизости, были рады такой возможности. Вирт-сон обещал заменить собой все их ночные кошмары, избавиться от которых не всегда помогали иные средства. А уж как этому было радо руководство «СайБиоТех» -а, у которого появилась реальная возможность тайно проводить эксперименты на пути к собственным целям, официально списывая на аварийные случаи каждую из «редких» смертей человеческих тел в вирт-стазисных хранилищах. На аварийные случаи, о возможности которых в контрактах указывалось самым мелким шрифтом.

Огромные армии вирт-бойцов по всей планете. Но каждый из них сражался в одиночку. И каждый в одиночку одерживал виртуальную победу. Снова и снова. И границы искаженных областей медленно... очень медленно отступали, освобождая захваченные территории нашей реальности. Оставляя после себя мертвые земли. Пока еще далекие от совершенства технологии терраформирования, ранее использовавшиеся в колониях на Луне и Марсе, к счастью позволяли их вновь оживлять. Хоть и медленно, но заметно быстрее, чем там, где изначально не было подходящей атмосферы и прямого взаимодействия с земной биосферой. Плохо было лишь то, что нам так и не удалось найти способа вернуть подвергшихся искажениям людей и животных. Жаль, мы не хотели даже задумываться о реальных причинах того, почему так происходит. Почему попавшие на ту сторону выживали, а вернувшиеся обратно прекращали свое существование, рассыпаясь в пепел? Пытались искать что-нибудь необычное в составе, в структуре останков, но не желали замечать очевидного – того, что все это время находилось у нас прямо под носом. Потому что верили в то, что, сопротивляясь наступлению аномальных для нас искажений, боремся за сохранение равновесного состояния окружающего мира. Как же слепы мы были!

Когда добились успеха группы, работавшие над секретными проектами «СайБиоТех» -а по обмену телами, этого почти никто не заметил. В том числе и я, слишком занятый очередным усовершенствованием систем ноо-ретранслирования и параллельными попытками внесения в них практически незаметных дыр, черных ходов на случай, если понадобится дезактивировать все ретрансляторы одновременно, а прямого доступа к ним у меня не будет. Того момента, когда председатели правления корпорации и их доверенные лица начали тайно от большей

части человечества присваивать тела людей, правящих всеми странами, занимать их места, в прямом смысле становиться ими, тоже почти никто не заметил. Пока не стало слишком поздно, и изменения не проявились в смене законодательства крупнейших государств и государственных объединений не в лучшую сторону для народа, зато в лучшую – для корпораций, все, до сих пор не развалившиеся из которых, стали мелкими подразделениями «СайБиоТех»-а. А сам «СайБиоТех» стал межгосударственной корпорацией, в совете правления которой теперь заседали все правительственные верхушки. Точнее, те, кто присвоил их тела. Прямых доказательств этого ни у кого из непосвященных не было, поэтому помешать им никто не мог.

Вирт-служба в Искаженной войне стала обязательной, а обычные государственные армии слились в одну общую структуру с частными корпоративными. Отдельные страны начали под влиянием «СайБиоТех» -а объединяться в одно всепланетное сверхгосударство. Устанавливая новые порядки, совет директоров плевал на мнение обычного народа, который теперь ничего не мог сделать против корпоративных войск. К тому же, большинство людей уже успело стать настолько зависимыми от продукции «СайБиоТех» -а, что просто боялись или не смогли бы себя заставить пойти против него. Мобильные приборы для наблюдения и контроля за здоровьем людей были настолько усовершенствованы, дополнены новыми функциями и распространены среди населения планеты, что выжить без них мало кто уже смог бы. По новому всепланетному законодательству каждый был обязан носить такой прибор с раннего детства. Только отдельные сотрудники «СайБиоТех» -а и его руководство со своими семьями могли обходиться без них, не оказываясь при этом вне закона. Наш мир почти незаметно превратился в жуткую антиутопию, которая вряд ли могла наступить, если бы не Разрыв Реальности, значительно подтолкнувший нас вперед на пути к новым знаниям и их прикладному применению. Мы все сделали его таким, стремясь победить искажения. В том числе и я, надеявшийся ранее, что смогу помешать подобному исходу, и не сумевший вовремя остановить необратимые процессы. Мы дали могущественные инструменты контроля в руки тех, кто, не задумываясь о последствиях, заботился лишь о себе. И начали за это расплачиваться.

Еще хуже все стало после того, как все ноо-ретрансляторы объединили в централизованную сеть, контролируемую через новую – самую крупную из станций. Одной непредвиденной неполадки оказалось достаточно, чтобы человеческая вирт-армия ненадолго потеряла возможность защищать нашу реальность от чуждой. Буквально за час, пока мы решали возникшую проблему, искаженные области вновь заняли ранее отвоеванные у них территории и даже продвинулись чуть дальше, поглотив несколько вторичных ноо-ретранслирующих станций со всеми, кто находился внутри. А ведь мы были так близки к окончательной победе! Во всяком случае, так нам, глупцам, в те дни казалось...

На следующие же сутки меня без объяснения причин отстранили от работы с центральным ретранслятором. Лазейки-то для себя в его системах в процессе проектирования я успел оставить, но доступ к ним потерял. К тому же, произошедшее вновь заставило меня колебаться между противостоянием «СайБиоТех» -у изнутри и необходимым злом в виде его поддержки ради защиты родной планеты от Разрыва Реальности. Что продолжалось довольно долго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.